

Н.В. Кудрявцев

Русская Лапландия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.В. Кудрявцев**
Русская Лапландия / Н.В. Кудрявцев – М.: Книга по Требованию, 2024. –
76 с.

ISBN 978-5-4241-6691-4

ISBN 978-5-4241-6691-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

совершенно нѣтъ. Поэтому лошадей здѣсь можно видѣть только какъ рѣдкость; такъ, напримѣръ, въ Капдалакши мѣстный купецъ Навковъ-Жидкинъ держитъ одну лошадь, на которой никогда не ѣздитъ. Оленей, лѣтомъ угоняютъ за нѣскольکو сотъ верстъ, къ границамъ Финляндіи, а къ зимѣ приводятъ обратно и ѣздятъ на нихъ по снѣжному пути якладывая по одиночкѣ въ санѣ. Рѣка Пива, берущая начало въ озерѣ Имандрѣ, на высотѣ 110—130 метровъ, и впадающая у самой Капдалакши въ Бѣлое море, представляетъ собою бурный потокъ, съ уклономъ русла въ 22 раза болѣе крутымъ, чѣмъ въ Певѣ. Поэтому ѣзда на лодкѣ не мыслима. А между тѣмъ предстояло проходить чрезъ безлюдныя скалистыя пространства, гдѣ нельзя будетъ достать куска черстваго хлѣба. Приходилось позаботиться обо всемъ; все взять съ собою. Дѣло усложнилось еще слѣдующими обстоятельствами. Первый переходъ въ 24 версты можно было пройти въ одинъ день: стоило только взять лишніе носильщиковъ; успѣсти всю ношу было возможно. Но далѣе слѣдовали озера, на которыхъ имѣлось только по два небольшихъ карбаса, способныхъ поднять четырехъ челобѣкъ съ пошей и двухъ гребцовъ. Почтарями на каждой станціи жили обязательно только два Лопара, слѣдовательно, дальнѣйшая переправка тяжестей возможна была только въ предѣлѣ четырехъ *ташекъ* (ношъ). Въ виду такихъ соображеній пришлось бросить въ Капдалакши заготовленную провизію и большую часть вещей и взять съ собою только самое необходимое—теплую одежду, оружіе, инструменты и т. п. да запасъ черныхъ сухарей въ два пуда. Эти сухари, вмѣстѣ съ чаемъ, составляли нашу пищу во время перехода отъ Капдалакши на Колу. Путь имѣетъ названіе „тракта“, такъ какъ лѣтомъ здѣсь ходитъ почта. Длина ея болѣе 200 верстъ.

Первый переходъ въ 12 верстъ. Впереди выступали наши носильщики съ тапиками, сзади—мы съ работниками. Было 14-е іюля. День былъ жаркій. Солнце пекло во всю силу. Лучи его, накаляя каменистый грунтъ, усыпанный крупнымъ пескомъ, гравіемъ, отражались съ тѣмъ болѣе знойною силой. Въ тѣни было 17° Цельсія. Кромѣ необходимыхъ инструментовъ для научныхъ наблюденій, оружія, письменныхъ принадлежностей и альбомовъ, приходилось на себѣ нести и теплое платье, которое должно было пригодиться въ этотъ же вечеръ. На мнѣ было грузу болѣе пуда, я все это было навьючено сверхъ толстаго теплаго пальто, такъ что вплотную прижимало его къ тѣлу со всѣхъ сторонъ. Жара поэтому была подавляющая.

Каждый изъ насъ представлялъ страшную фигуру. На головѣ,

сверхъ шляпы съ широкими полями, надѣтъ комарникъ, то-есть, чехолъ изъ грубой матеріи марли, съ небольшими отверстіями въ сѣткѣ, да и то закрашленными. Концы этого комарника наглухо заправлены подъ воротникъ пальто, также застегнутое на всѣ пуговицы. Высокіе сапоги, ранецъ за спиной, нагруженный книгами, тетрадями и альбомами. Ремни отъ ранца, переkreциваясь на груди, стѣсняютъ дыханіе. Сбоку ножъ, барометръ, термометръ, требующіе крайней осторожности движенія, и слѣдовательно, также стѣснующіе. Въ карманѣ револьверъ. У моего султаника три ружья, со всѣми принадлежностями. При жарѣ насъ еще мучила духота подъ сѣтками изъ плотной марли. Изрѣдка приходилось снимать сѣтку, чтобъ дышаться свободно. Но за то въ это самое время насъ свободно доносили комары, которые громаднымъ роемъ вились надъ нашими головами. Тому, кто не бывалъ на сѣверѣ, то-есть, въ сѣверной части Олонецкой губерніи и дальше, а тѣмъ болѣе среди ланландскихъ болотъ, не возможно себѣ даже представить до какой степени изнеможенія, до какого отчаянія могутъ довести эти маленькія, ничтожныя тваря.

Начало пути очень заманчиво. Представьте себѣ, что, переваливъ чрезъ небольшой холмъ, или вѣрнѣе, каменистую гряду, сложанную изъ отдѣльныхъ валуновъ, и пройдя около полуверсты отъ села прямо къ сѣверу, вы подходите къ сосновому лѣсу, а далѣе ведетъ по самому берегу Нивы тѣнистая аллея. Дѣйствительно подъ громкимъ названіемъ тракта, здѣсь слыветъ небольшая троинка, не шире одного, мѣстами полутора, аршина. По ней передвигается пѣшая почта, путешественники, Лоцари, купцы, чиновники, однимъ словомъ — всѣ. Вотъ этотъ путь я и опишу.

И такъ, вы углубляетесь въ лѣсъ по аршинной троинкѣ, въ началѣ очень ровной, укатанной, или вѣрнѣе, утоитанной. Она плотно усыпана довольно крупнымъ пескомъ, хорошо слежавшимся. Поэтому ходьба легкая и удобная. Лѣсъ здѣсь довольно ровный и рѣдкій; преимущественно сосны, березы, ольхи, ершикъ и проч. Благодаря преобладанію ровныхъ сосновыхъ стволовъ, пѣжной листвѣ березъ и однообразному сѣрватозеленому колориту подстилающей моховой листвы, лѣсъ производитъ пріятное впечатлѣніе, чего-то слегка запушеннаго: нѣчто въ родѣ стараго парка.

Сначала троинка идетъ по самому берегу рѣки. Рѣка Нива здѣсь стелется у васъ подъ ногами, мѣстами на 5, а гдѣ и на 8 сажень. Отвѣсно поднимаются песчаные берега, въ которыхъ, кромѣ безчисленнаго количества голишей, видны громадныя, включенныя въ нихъ

валуны, преимущественно краснаго или сѣраго цвѣта. Это крупныя глыбы гнейса или гранита, отчасти округленныя или обкатанныя, большею же частью сильно угловатыя. Эти же каменные глыбы, эти громадныя валуны, достигающіе до 1 сажени въ поперечникѣ, а мѣстами и болѣе, выстилаютъ въ громадномъ количествѣ все русло Нивы. По нимъ бѣшено несется этотъ горный потокъ, этотъ не угомонившійся въ своемъ неистовомъ порывѣ вихрь пѣны, силы, рева, свачущихъ волнъ, громадной массы воды, которая дѣлала бы здѣсь чудеса, еслибы вздумали утилизировать ея силу. Бѣшено налетаетъ громадный потокъ на выдающійся валунъ, съ ревомъ разбивается онъ въ дребезги, отхлыпнетъ назадъ, взлетитъ взметнувшееся водяною завѣсой наверхъ, разлетится тамъ въ массу брызгъ и пѣны, которая краснымъ бѣлымъ фонтаномъ иногда на сажель поднимается надъ русломъ рѣки, раздѣется потомъ на двѣ боковыя струи, и снова закрутившись, завертѣвшись въ неистовомъ спорѣ волнъ и пѣны, летитъ до слѣдующаго валуна, гдѣ опять съ ревомъ нахлынетъ на него, взметнется фонтаномъ кверху, область все кругомъ бѣлою пѣной и снова несется дальше.... Не смотря на страшную скорость, съ которою несется этотъ бурный горный потокъ, имѣющій скромное названіе „рѣки Нивы“, не смотря на громадную опасность, представляющуюся здѣсь на каждомъ шагѣ въ видѣ ли валуна обдаваемого фонтанами пѣны, или пучины, въ которой съ ревомъ закрутились столкнувшіяся со всѣхъ сторонъ бѣшенныя волны, не смотря на все это,—все-таки находятя смѣльчаки Лопари, которые рѣшаются спускаться по Нивѣ. И еслибъ еще это была минутная безумная отвага, бравада—рискнуть спуститься по сильной струѣ водоската; но пѣтъ, это рискъ на 33 версты, изъ которыхъ только 9 верстъ рѣка течетъ спокойно. И не смотря на то, что почти ежегодно гибнуть лучшіе представители этихъ смѣльчаковъ, все-таки чрезъ каждыя двѣ недѣли предпринимается новая поѣздка съ Имандры въ Кандалакшу.

Тропка тянется вдоль рѣки не болѣе трехъ или четырехъ верстъ, и только на этомъ именно протяженіи она представляетъ вышеописанныя удобства. Затѣмъ она сворачиваетъ влѣво, то-есть, къ западу, и далеко уклоняется отъ главнаго направленія рѣки. По мѣрѣ удаленія отъ рѣки, исчезаетъ и сравнительная ровность мѣстности. Приходится то подниматься въ гору, на варакы, по довольно крутымъ подъемамъ. Вараканы здѣсь называются горы такой вышины, которыхъ вершины покрыты еще лѣсомъ; тѣ горы, которыхъ вершины поднимаются выше предѣловъ распространенія лѣсной расти-

тельности, носятъ названіе тундръ. Такъ какъ всѣ эти горы, и варакы и тундры, или прямо сложены изъ массы крупныхъ валуновъ, или состоятъ изъ матерой горнокаменной породы, которая сверху на большую толщину покрыта ледниковымъ наносомъ, обильно наполненнымъ такими крупицами валунами, то вполне понятна и зависимость между первостію мѣстности и обиліемъ крупныхъ валуновъ. И дѣйствительно, сперва на берегу Нивы мы почти не встрѣчаемъ такихъ валуновъ на поверхности земли. Они залегаютъ на глубинѣ. Сверху же они заключены толстымъ слоемъ крупнаго песку, что доказываетъ, съ другой стороны, что здѣсь была широкая и высокая долина; такъ какъ такая разсортировка могла произойти только при содѣйствіи переменяющаго дѣйствія воды, то мы смѣло можемъ сказать, что тамъ, гдѣ теперь бѣшено несетъ Нива, въ давнія доисторическія времена былъ спокойный широкій водный проливъ, и притомъ, какъ мы увидимъ далѣе—морской.

Все уже и уже становится тропинка, по мѣрѣ того какъ приходится все выше избираться на крутизны варакъ. Крупный гравій и песокъ, выравнивавшіе неровности валуновъ, наполнявшіе ихъ промежутки, здѣсь вымыты и смыты, унесены водой внизъ. Толщій моховой покровъ, убогимъ сѣроватымъ ковромъстилающій всѣ эти валуны, грудами нагроможденные одинъ на другой, точно на смѣхъ накипуть здѣсь для того, чтобы затруднить путь. Тропинка становится не шире полуаршина, а мѣстами едва можно поставить, среди торчащихъ острыхъ валуновъ, двѣ ступни, такъ что единственной возможностью продолжать путь заключается въ томъ, чтобы, пользуясь валунами, какъ лѣстницей, шагать съ одного на другой. Хорошо еще—если они голые, по случію моховой покровъ, и вы проваливаетесь и оступаетесь па каждомъ шагу. Но вотъ, наконецъ вы вобрались на вершину первой Основовай варакы. Почему она названа Основовою я не знаю; осинъ здѣсь я искалъ и слѣдилъ за ними по пути, но ни одной не нашель. Въ началѣ пути, около Кацдалакши, онѣ еще попадаются. Здѣсь разстилается все такой же однообразный лѣсъ, какъ и раяѣ: преимущественно береза, сосна, ель, изрѣдка рябина, ольха. Далѣе путь опять улучшается, дорожка становится шире, ровнѣе. Но пройдя съ полверсты, приходится снова спускаться. Опять крутой склонъ варакы весь усыпанъ неровными валунами. Довольно долго приходится идти по гористой мѣстности и наконецъ спускаться въ узкую низменную долину, покрытую торфяниковымъ болотомъ. Черезъ него переброшены дряхлыя мостки, проложенныя

по шаламъ. Такія мѣста называются вообще тайболой. Та тайбола, о которой я говорю, носитъ названіе Заборной тайболы; за нею слѣдуетъ Заборная нарка. Это самый высокій пунктъ, на который приходится подниматься на пути между Кандалакшей и Имандрой. Высота ея равна 148 метрамъ (то-есть, 72 сажени). Подъемъ на эту нарку сначала, отъ тайболы, очень крутъ, затѣмъ становится все отложе, и вы постепенно поднимаетесь на большую высоту. Путь здѣсь гораздо ровнѣе. Длинною веревочей тянулася наша процессія по извилистой тропинкѣ. Далеко впереди шелъ приземистый, широкоплечій Лопарь Ларивонъ, предводитель всѣхъ Лопарей. Умный, хитрый мужикъ, онъ пользовался какимъ-то особеннымъ значеніемъ среди своихъ товарищей. Это самый ловкій и дерзкій смѣльчакъ, удалый кормчій, спускающійся два раза ежемѣсячно по Нивѣ къ Кандалакшу. Ларивонъ, маленькій, широкоплечій съ большою головою, черными какъ смоль, курчавыми, въ кольца завитыми всегда лохматыми волосами, ястребинымъ, слегка приплюснутымъ носомъ и рѣденькою бороденкой и усами, съ широкимъ, длиннымъ туловищемъ на короткихъ кривыхъ ногахъ, при каждомъ шагѣ перекачивавшійся съ боку на бокъ, производилъ бы казалось смѣшное впечатлѣніе. Нѣтъ! Далеко не то. Напротивъ, онъ такъ гордо закидывалъ голову, такъ самоувѣренно ступалъ, изрѣдка бросая назадъ чрезъ плечо ястребинные взгляды, что положительно производилъ впечатлѣніе начальника отряда. За нимъ шла колоссальная фигура Данилки Медвѣдя, добродушнаго Лопаря съ широкимъ лицомъ и скулами, глубокими сѣрыми глазами и толстыми губами громаднаго рта. Онъ несъ два съ половиной пуда. Затѣмъ Андрианъ, малый, крупнаго роста, пятый нами на дѣлѣ педѣли, далѣе наши работники Илья и другіе. На самой вершинѣ Заборной варакы былъ сдѣланъ привалъ; разложили костры, чтобъ отгонять комаровъ, и всѣ расположились живописными группами вокругъ огня. На главномъ планѣ демоническая фізіономія Ларивона освѣщалась багровымъ отблескомъ костра; затѣмъ Онясимъ-стрѣлокъ сидѣлъ надъ самыми кострами, особенно мучимый комарами. Всѣ они передавали другъ другу чарку съ водкой, пиливая прямо изъ бочепка, очель оживленно перебрасывались шутками, остротами и наконецъ прыгали чрезъ костеръ. Желая позабавить ихъ, я сталъ натирать себѣ руки амміакомъ. Они, конечно, тотчасъ же обратили на это вниманіе. „А что, баряпъ—это отъ комаровъ трется?“ „Отъ комаровъ“. „Что жъ это наговорная вода?“ „Нѣтъ, говорю, спиртъ, понюхайте“. Они, заинтересованные при словѣ спиртъ,

подбѣгаютъ ко мнѣ. Въ пузырькѣ, въ кармаиѣ у меня концентрированный пашатырный спиртъ. Подходить одинъ. Я ему отрываю подъ носомъ пробку. Амміакъ захватываетъ дыханіе, ударяетъ ему въ носъ. Лопарь отскакиваетъ, хватается за грудь, кашляетъ, чихаетъ, протираетъ себѣ глаза, изъ которыхъ градомъ льются слезы. Поднимается общій хохотъ, всѣ скачутъ, въ восторгѣ отъ эффекта, произведеннаго маленькимъ пузырькомъ. Являются охотники „понюхать еще“, и вотъ, одинъ за другимъ прикладываются они носами къ пузырьку, и опять слезы градомъ сыплются изъ глазъ, кашель, чиханье, потрясаніе головой, но главное—гоготаніе и хохотъ достигаютъ неистовства, и всѣ, очень довольные, возбужденные потѣхой и водкой, принимаются пить чай. Затѣмъ, послѣ часоваго отдыха, двигаемся дальше.

Дорога на вершинѣ варакъ довольно ровная, по мѣрѣ спуска, начинается дѣлаться извилистѣе и каменистѣе, тропинка суживается, и мы снова съ большимъ трудомъ поднимаемся по неровному пути. Послѣ довольно крутаго спуска мы переходимъ чрезъ торфяниковую тайболу и снова шагаемъ по разрушившимся на половину мосткамъ.

Тайбола имѣетъ обыкновенно такой видъ: среди двухъ довольно крутыхъ склоновъ, параллельно одинъ другому тянущихся на довольно значительномъ протяженіи, простирается прямая узкая корытообразная долина, или вѣрнѣе, лоципа. Къ ней по склонамъ спускаются изрѣдка разбросанныя деревья, преимущественно сосны и березы. Вся лоципа покрыта толстымъ моховымъ покровомъ, на которомъ, какъ на красномъ коврѣ, изрѣдка красуются кусты багульника (*Ledum palustre*), ёрника (*Betula nana*), другаго ёрника (*Empetrum nigrum*), и изрѣдка разбросаны среди нихъ крупныя корявыя березы и сосенки. Береза имѣетъ здѣсь чрезвычайно типичный видъ. Представьте себѣ стволъ толщиной въ обыкновенную человеческую руку. Онъ поднимается вертикально вверхъ, потомъ заворачиваетъ въ сторону, или круто извернувшись кольцомъ, снова направляется кверху. Но ни одного сучка не дастъ онъ до самой вершины. Тамъ главный стволъ сразу развѣтвится въ массу толстыхъ, кривыхъ сучьевъ, которые, всѣ одинаковой толщины, тянутся кверху на одну высоту, и разстопавшись въ разные стороны, образуютъ крону дерева. Все это можно сравнить съ поломаннымъ зонтикомъ, желѣзныя прутья котораго исковерканы бурей.

Между тѣмъ какъ мы подвигались все далѣе впередъ и впередъ,

время шло своимъ чередомъ; стало вечерѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно свѣжѣть. Вышли мы изъ Капдалакши въ 4 часа дня и вскорѣ должны были уже достигнуть плеса. Былъ девятый часъ на исходѣ. Благодаря только порядочному грузу, который былъ на мнѣ, я не замѣчалъ особеннаго холода, но какъ потомъ оказалось, температура упала до 5 съ небольшимъ градусовъ Цельсія. Толстое парусиное пальто, надѣтое на мнѣ, уже недостаточно предохраняло отъ холода, и я долженъ былъ облачиться еще въ толстую мехнатку, короткую шерстяную куртку, надѣваемую подъ пальто. За этимъ занятіемъ мещ застала цѣлая группа женщинъ Лопарокъ, которыя въ ожиданіи своихъ спутниковъ бродили около озера. Характерные костюмы, бросающіеся въ глаза головные уборы, вѣчто въ родѣ татарскихъ жепскихъ красныхъ шапочекъ, усыпанныхъ массой металлическихъ бляхъ; ихъ черныя небольшіе глаза, съ рѣзко обведенными бровями; толстыя губы, слегка вывернутыя; высокія, выдвинушіяся скулы и сильно прижатые уши. все это было такъ типично, что невольно обращало на себя вниманіе наблюдателя. Онѣ собрались живописною группой около поваленной на бокъ лодки и раскладывали костеръ. Очевидно, онѣ должны были также примкнуть къ нашему каравану, потому что лодокъ на берегу оказалось всего двѣ. Тутъ во-очію видна была невозможность забирать большое количество носильщиковъ изъ Капдалакши; имъ некуда было бы помѣститься. А потому, слѣдовательно, пришлось бы отказаться отъ того багажа, который составлялъ ихъ ношу. Женщины эти, какъ потомъ оказалось, были нарочно сюда присланы въ качествѣ перевозчицъ.

Чудную картину представляло разстлавшіеся передъ нами озеро. Совершенно ровное, гладкое какъ зеркало, серебрилось оно вдали, погружаясь въ густыя черныя тѣни поднимающихся скалъ. Справа высится громадный конусъ Шлесовой тундры, составляющей ближайшій отрогъ Капдалакшскихъ горъ (Желѣзной, Крестовой и др.) Слѣва небольшой словый лѣсокъ надвинулся къ самому озеру, темнозеленымъ, почти черными, макушечными стрѣлками рѣзко вырисовываясь на свѣтломъ, вѣрнѣе, блѣдномъ фонѣ неба. Большой свѣтъ большой сѣверной ночи. Но вотъ вдали что-то фантастическое. Какіе-то движущіеся дымчатые образы поднимаются по окраинамъ; вотъ они клубятся, колеблются и плывутъ — бѣгутъ къ намъ на встрѣчу, обхватывая воздухъ протянутыми, но расплывающимися руками. Это заклубилась почная холодная роса, туманъ поднимается надъ плесомъ и, слегка подернутый дупнымъ свѣтомъ, онъ дразнитъ насъ

какими-то сказочными образами,—формами, нелепо приводящими вамъ на память, по странному сочетанію идей, бурныя рюлады изъ Шубертова „Льснаго Царя“.

Но гдѣ мы? Куда мы идемъ? И зачѣмъ все это?

Тотъ „трактъ“, на который мы вступили, и который ведетъ изъ Кандалакши въ Колу, составляетъ обычный путь нѣсколькихъ сотъ поморцевъ, тянущихъ на Мурманскій берегъ. Изъ Архангельской и Олонецкой губерній еще съ марта мѣсяца поднимаются судознаева и простые рабочіе и идутъ. Идутъ, конечно, пѣшкомъ, забравъ весь необходимый скарбъ: тулуны, тошоры, сѣти, хлѣбъ и мѣдныя гроши, въ надеждѣ добыть и себѣ, и покидаемой семьѣ кусокъ хлѣба. Начиная съ конца марта и весь апрѣль тянутся они по Кольскому полуострову. Куда? зачѣмъ? Не красна ихъ обѣтованная земля. Это Мурманскій берегъ. Уже въ началѣ мая должны они быть на мѣстѣ. Поэтому приходится путь дѣлать въ самое несприятное время, въ апрѣль мѣсяцъ, когда царить распутица. Это самое бурное время; пурги и ураганы свирѣпствуютъ одинъ за другимъ. Поэтому самому „тракту“, который я только началъ описывать, и который я проходилъ лѣтомъ, слѣдовательно, при условіяхъ въ десятеро легчайшихъ, приходится имъ идти громадными партіями. При отсутствіи пути идти по не населенной мѣстности, не имѣя никакихъ средствъ сообщенія, безъ пищи, съ жалкими краюхами черстваго хлѣба, въ самое дурное время года—идти и не зная гдѣ пристанути, гдѣ можно отдохнуть. Визнуть по поясъ въ снѣгу, измокнуть, продрогнуть и при этомъ полуголодать—это все ничегò. Но при этомъ надо знать, что придешь домой, и тебѣ ждетъ теплая постель, самоваръ, да 16° въ комнатѣ, да весело потрескивающій камелекъ. Но если вы знаете, что и завтра, и послѣ завтра и чрезъ два, три, четыре дня, все опять одно и то же, тогда это мука, мука необходимая, возможная только ради куска хлѣба.

Но возвратился къ нашему путешествію. Мы остановились на берегу перваго плеса отъ Кандалакши, у высокой Плесовой Тундры. Термометръ Цельсія показывалъ + 4, 3° (тепла). Было 9 часовъ вечера, когда мы пришли къ озеру. Скоро, постепенно подходя другъ за другомъ, собрались всѣ мы и стали снаряжать карбасы. Здѣсь карбасы весьма не велики. Если сѣло 6 человѣкъ, то клади почти вовсе нельзя класть. Поэтому мы распредѣлились такъ, что почти всѣ грузныя вещи сложили въ одинъ карбасъ и въ него сѣло четверо—два гребца, рулевой и одинъ посовай. Всѣ остальные сѣли во второй карбасъ. Гребли женщины.

По дорогѣ я заинтересовался температурой воды, она = 4°, 1; тогда какъ температура воздуха упала до 2, 3°. Туманъ густыми, клубящимися столбами подымался вокругъ насъ, и суровая, холодная сырость пронизывала насъ насквозь. Этотъ ночной переѣздъ не далъ давно ожидаемаго отдыха и не укрѣпилъ насъ нисколько. Мы только невольно задерживали дыханіе, и каждый сидѣлъ притаившись и съжившись на своемъ мѣстѣ. Озеро продолжало быть совершенно спокойнымъ. Луна, гдѣ-то высоко, въ сѣдой мглѣ, свѣтилась то скливымъ блюватимъ пятномъ. Тишина кругомъ мертвая. Только чѣрный всплескъ весель и звукъ мѣрно падающихъ, бисеромъ рассыпающихся по водѣ капель, нарушаютъ это полное безмолвіе. Внизу черная вода, отъ которой вѣтъ страшнымъ, леденящимъ холодомъ. Такъ и кажется, вотъ, вотъ потопить насъ эта живая стихія. Внизу вода, а кругомъ мгла да сѣдой, холодный туманъ, сквозь непрерывный покровъ котораго мы пробираемся почти ощупью. По временамъ болѣе густая, сѣдая клочья его такъ, кажется, и пронизываютъ насъ насквозь. Впереди онъ какъ бы разступается передъ нами, но сзади тотчасъ же заволакиваетъ оставленный слѣдъ, какъ бы говоря: „вѣтъ ваврата“.

Никто ни слова. Всѣ сидятъ стиснувъ зубы, съжившись по возможности всѣми членами. Вотъ одинъ изъ Лопарей опустился на дно карбаса, усѣлся тамъ на корточкахъ, обхватилъ свою грудь тощими руками, и плотно прижавшись ею къ колѣнямъ, поклонилъ къ нимъ вплотную голову. Это самая спокойная, удобная, компактная, такъ сказать, поза. Такъ и теплѣе, в мѣста меньше занимаешь. Это любимая поза спокойно расположившагося дикаря, напримѣръ, Ново-Зеландца или Ново-Каледонца; это поза ребенка въ утробѣ матери; такъ хоронили своихъ сородичей люди каменнаго періода.

Долго плыли мы такимъ образомъ. Въ сущности намъ только казалось долгимъ время, а пришлось проплыть только 5 верстъ. Наконецъ Лопари стали сворачивать поперемногу влѣво, и хотя мы еще очевидно не доѣхали до конца плѣса, пристали къ берегу. Низменный, плоскій берегъ, густопорослій кустарникомъ, преимущественно иппикомъ, съ цѣпью тощихъ елочекъ на второмъ плащѣ, неприятливо смотрѣлъ на насъ, и очевидно, не представлялъ ничего особеннаго заманчиваго, но мы были рады выйти изъ своего окаменѣлаго положенія и поразмять свои члены. Опять снаряжались Лопари, нацѣвая при обходной помощи свои ташки; опять отпускались остро на счетъ тяжеловѣснаго Мишки—громаднаго Лопаря, о которомъ

уже приходилось говорить. Хотя четыре версты — невеликій переходъ, но эти четыре версты пришлись намъ тяжелы. Вскорѣ за поворотомъ отъ берега, тамъ гдѣ дорога тнется еще ивнякомъ, приходится подниматься въ гору, все круче и круче, и опять повтореніе прежняго — въ гору и подъ гору. По низинамъ сохранились еще мѣстами остатки гнилыхъ бревешекъ, когда-то бывшихъ мостковъ; эти бревешки въ настоящее время положительно только мѣшакать ходьбѣ.

Свѣту прибавляется попомногу все болѣе и болѣе, и вотъ уже опять начинается зарница. Кратковременность ночи здѣсь дѣйствительно поражаетъ. Въ Колѣ съ 20-го мая по 15-го іюля не заходитъ солнце. Въ серединѣ іюня мѣсяца, въ полночь, Коляне такъ описываютъ положеніе солнца. Если отойдти отъ хаты средней высоты шаговъ 50 и смотрѣть на конецъ крыши, такъ какъ разъ на немъ и приходится солнце. Такъ какъ мы въ описываемое время были на 200 верстъ южнѣе Колы и насъ отдѣляли отъ нея высокія горы, то понятно, что для насъ въ іюль (14-го числа) солнце уже заходило, но очень ненадолго, на какихъ-нибудь два часа, и свѣту все время было слишкомъ достаточно, чтобы не уснуть въ подобную ночь.

„Вотъ и новый плѣсъ! Ну этотъ почище того будетъ!..“

„А что же особеннаго?“

„Да такъ. Сначала-то еще ничего. Озеро“.

„И всего четыре версты ѣхать?“

„Да четыре. Да эти четыре тоже станутъ тѣхъ четырехъ что только что прошли“. Тутъ, видите ли, придется подниматься противъ теченія рѣки Нивы. Сначала-то она ничего: бурлива только малость. Ну, а тамъ, послѣ, какъ къ тайболѣ подѣзжагъ станемъ, такъ какъ есть котель кипить. Такъ у насъ печкой и зовеся!“

„Нельзя ли будетъ обойдти? Спокойные-то заводи да плѣсы пройдемъ, а тамъ бережкомъ обойдемъ? А? Ларивонъ?“

„Нельзя, барчукъ, нельзя! Тропинки тебѣ нѣтъ; на берегу лоски, болото. Увянешь какъ разъ. Да ты не бойся! Я вотъ сколько лѣтъ всю рѣку проѣзжаю! Каждый камень, какъ родной, знаю!“

Усѣлись мы въ лодки. Идемъ. Что за странное дно здѣсь. Такъ причудливо измѣняются въ немъ глубины. Вотъ совершенно черио подъ лодкой, хотя вода и совершенно чистая, прозрачная; вотъ мелкнули хребты двухъ-трехъ громадныхъ сажениныхъ валуновъ. Вотъ бѣжитъ лодка надъ самою песчавою отмелью близко-близко, — такъ и кажется, что задѣнетъ непремѣнно. Вотъ отмель смѣнилась камени-